

В. И. Исаева

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ИСОКРАТА

ДЛЯ ИСТОРИИ политической и социальной мысли древней Греции речи политических ораторов — один из наиболее важных и ценных источников, передающий атмосферу напряженной общественной жизни в полисе, характер и методы борьбы политических группировок, показывающий этапы формирования различных концепций. С этой точки зрения большой интерес представляют произведения Исократы, одного из наиболее известных аттических ораторов, сыгравшего важную роль в развитии греческой идеологии первой половины IV в. до н. э. На протяжении нескольких десятилетий он затрагивал в своих речах наиболее важные и актуальные вопросы своего времени и оставил свидетельства, анализирующие меняющуюся обстановку, фиксирующие новые явления в экономических, морально-философских, политических категориях.

Исократ не обойден вниманием ученых, литература о его творчестве чрезвычайно обширна и может сама служить предметом специального исследования. До конца XIX — начала XX в. Исократ рассматривался в основном как ритор и был объектом изучения филологов. Э. Майер и К. Беллох подчеркнули политическое значение его речей и ввели их в оборот как исторический источник¹. Благодаря усилиям Ж. Матье, П. Клоше, В. Егера, Ж. де Ромили, К. Брингмана, С. Пелмена и многих других в данном направлении сделано очень много, произведения оратора заняли прочное место среди наиболее важных документов по истории Эллады и внимание к ним продолжает возрастать². Однако не может не нарастать контраст между огромным, ежегодно увеличивающимся числом работ об Исократе и отсутствием более или менее точного определения политической концепции оратора. Объясняется такое положение, на наш

¹ Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, V, Stuttgart—B., 1902, стр. 335, сл.; K. Beloch, *Griechische Geschichte*, II, Strassburg, 1897, стр. 371 сл.

² G. Mathieu, *Les idées politiques d'Isocrate*, P., 1925; P. Cloché, *Isocrate et la politique lacédémonienne*, REA, XXXV, 1933; он же, *Isocrate et son temps*, P., 1963; W. Jaeger, *The Date of Isocrates' Areopagiticus and the Athenian Opposition*, «*Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson*», Oxf., 1950; он же, *Paideia: the Ideals of Greek Culture*, III, N. Y., 1944; J. De Romilly, *Eunoia in Isocrates*, JHS, LXXVIII, 1958; он же, *Les modérés Athéniens vers le milieu du IV-e siècle, échos et concordances*, REG, LXVI, 1954; K. Brिंगman, *Studien zu den politischen Ideen des Isokrates*, Göttingen, 1965; S. Perlmen, *Isocrates «Philippus» — A Reinterpretation*, *Historia*, VI, 1957; он же, *Isocrates' Advice on Philip's Attitude towards Barbarians*, *Historia*, XVI, 1967; он же, *Isocrates «Philippus» and Panhellenism*, *Historia*, XVIII, 1969.

взгляд, двумя причинами. Первая заключается в объективных трудностях, вторая обусловлена неверным методическим подходом некоторых исследователей, обе тесно связаны со спецификой политического красноречия.

Речи Исократов, как и других ораторов, построены на фиксации и интерпретации конфликтных ситуаций. Эта особенность определяет характер источника, границы его возможностей и критерии оценки. Речи позволяют выделить события, стоящие в центре полисной жизни, выявить отношение к ним различных слоев общества. Вместе с тем сосредоточенность на отдельных фактах или группе фактов, стремление интерпретировать их в нужном оратору аспекте зачастую приводит к искажению общей картины. Задача построения выдвинутых автором тезисов в определенную систему, соотнесения между собой частей этой системы неизбежно сталкивается с серьезными затруднениями. Здесь всегда будут лакуны, которые можно заполнять только с помощью косвенных доказательств и догадок, что дает широкую возможность для самых разных толкований. Общая для изучения политического красноречия объективная трудность в отношении Исократов усугубляется еще и тем, что, хотя тематика его произведений относительно стабильна, постоянным сюжетам дается разная, иногда противоречивая интерпретация.

Неверный методический подход мы видим в пренебрежении или недостаточном внимании к особенностям жанра, избранного Исократом. Так, например, часто недооценивается роль в речи конфликтной ситуации, которая заранее предопределяет тенденциозность источника и одностороннее освещение событий, а изменчивость этой ситуации предполагает соответствующую нестабильность позиции оратора, что еще не означает его общей политической неустойчивости. Очевидно, в этом случае может прояснить положение как тщательный анализ политической, социальной и экономической обстановки, сложившейся к моменту создания произведения, так и общее исследование излюбленных аргументов и терминов автора, дающих ключ для понимания взглядов оратора в тех затруднительных ситуациях, когда они выражены нечетко или разноречиво.

Особого внимания заслуживает взаимодействие формы произведения с его содержанием. Оратор должен выражать свою мысль в определенных стереотипах, рассчитанных не только на рациональное, но в значительной степени и на эмоциональное восприятие слушателей, поэтому взгляды автора подчинены законам и политической, и риторической логики. Отсюда следует, что влияние риторики на политическую мысль не ограничивается чисто внешним проявлением — использованием риторических штампов и канонов для оформления суждений, она участвует также в их формировании и развитии.

Первый этап отражения творчества Исократов в историографии был почти полностью подчинен филологии, на втором этапе произошел своеобразный «перекос» в другую сторону; сосредоточенность на идеологической стороне речей оратора нередко заслоняет то большое значение, которое имеет риторика для понимания любого направления его деятельности. Оптимальным методом нам представляется комплексный анализ речей Исократов с одновременным сочетанием в нем риторических и политических элементов. Первые шаги в этом направлении, сделанные Д. Джиллисом и С. Пелменом, дают обнадеживающие результаты³. Разумеется, такой

³ D. Gillis, *The Structure of Arguments in Isocrates «De Pace»*, *Philologus*, 114, 1970; о н же, *Isocrates' Panegyricus: the Rhetorical Texture*, *WS*, 5, 1971; S. Perlman, *The Historical Example, its Use and Importance as Political Propaganda in Attic Orators*, «*Studies in History*», Jerusalem, 1961. Подробнее см. В. И. Исаева, *О некоторых направлениях в изучении речей Исократов*, ВДИ, 1974, № 4.

подход не исключает разногласий в оценке политических и социальных воззрений Исократ, но поможет выработать какие-то общие, более универсальные, чем прежде, пути подхода к источнику, учесть его особенности.

Значение риторики для идеологии IV в. до н. э., ее активное влияние на политическую жизнь в общем виде неоднократно отмечались в исследовательской литературе. Особенно подчеркивалось равноправное партнерство теории и политики в творчестве Исократ, его противоположность в данном вопросе Платону⁴. Заслуга обоснования и разработки данного тезиса принадлежит В. Егеру. Он впервые выдвинул идею, что новый этический идеал Исократ был создан под влиянием практической деятельности, увидел в речах оратора концепцию, которую расценил как новый этап в развитии полисной идеологии. В. Егер нашел у Платона и Исократ не просто расхождение взглядов на роль знания в политической жизни, но и расценил их теории как первую гигантскую битву между философией в старом значении этого слова и ее новым вариантом, риторикой. Исократ охарактеризован как политический и философский деятель крупного масштаба, создатель учения, максимально приближенного к политическим и социальным событиям IV в. до н. э.⁵ В. Егер интерпретировал творчество оратора в связи со своей основной задачей — исследованием философско-политико-этического идеала древней Греции, поэтому произведения Исократ он рассматривает в теоретическом аспекте, в качестве ступени развития понятия *παιδεία*, мысли же о связи риторики и политики выражены им суммарно.

Наша задача в данной работе — рассмотреть политические речи Исократ как сформировавшийся публицистический жанр, построенный на соединении риторических принципов с политическими, экономическими и моральными категориями, подчеркнуть взаимосвязь между конкретной тематикой речей и методами их построения, оценками тех или иных событий полисной жизни.

Одним из условий хорошо составленной речи сам Исократ считал степень важности затронутых в ней проблем, видя в этом принципиальное отличие политического красноречия, посвященного «государственным делам, делам эллинов и царей», от пустых тем, частных сделок и прочих сюжетов, о которых несут вздор другие, желающие болтать понапрасну (Isocr., Panath. 11; Paneg. 4; Phil. 3). Конкретизируя свой тезис, он включает в круг интересов политического оратора вопросы внутренней и внешней политики Афин и других полисов, проблемы, стоящие перед единовластными правителями, и определение позиции греческих городов по отношению к соседним «варварским» государствам (Paneg. 17; Phil. 4, 13, 28, 94). Это подчеркнутое внимание Исократ к значительности темы речи представляется нам одной из его особенностей, которая стала важным компонентом в жанре политического публицистики. Замыслы и концепция оратора как политического деятеля обычно не полностью адекватны мыслям, высказываемым им в речи. Для того чтобы убедить слушателей, оратор

⁴ М. Л. Г а с п а р о в, Цицерон и античная риторика, в кн. «Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве», М., 1972, стр. 11; Т. А. М и л л е р, К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э., в сб. «Древнегреческая литературная критика», М., 1975, стр. 67; С l o c h é, Isocrate et son temps..., стр. 19; M. D e l a u r n o i s, Le plan rhétorique dans l'éloquence grecque d'Homère à Démosthène, Bruxelles, 1959, стр. 45 сл.; Н. Л. Н у д с о н - В и л л и а м с, Political Speeches in Athens, CQ, 1, 1951, стр. 72; R. S. J e b b, The Attic Orators from Antiphon to Isaeos, N. Y., 1962, стр. 36; R. J o n s o n, Isocrates Methods of Teaching, AJPh, 80, 1959, стр. 33; G. A. K e n n e d y, The Art of Persuasion in Greece, L., 1963 стр. 17; Т. А. С и н ц л а и р, A History of Greek Political Thought, L., 1951, стр. 117 сл.

⁵ J a e g e r, Paideia..., стр. 53 сл.

должен выразить свои взгляды не в абстрактном виде, не в категориях философии или политической теории, а в форме доступных и понятных всем аргументов, подкрепляя их ссылками на общеизвестные факты или укоренившееся мнение. Его основные положения всегда будут сложнее и глубже, чем те, которые высказаны в речи, написанной по поводу конкретных событий. Однако выявить данный второй план нелегко, проблема соотношения политической пропаганды ораторов с их политическими теориями остается мало разработанной.

Исократ не был оратором в прямом значении этого слова, так как никогда не произносил свои речи с трибуны, а практика оратора предполагает непосредственное общение с аудиторией. Кроме того, он, как правило, долго и тщательно отделивал свои произведения, что исключало быструю реакцию на происходящие события; тем не менее форма и содержание речей сближают Исократу с политическими ораторами, поэтому в исследовательской литературе он обычно фигурирует как оратор. Мы принимаем этот традиционный термин и будем пользоваться им в данной работе, но считаем необходимым подчеркнуть, что условность определения имеет более принципиальное значение, чем может показаться на первый взгляд.

Произведения Исократу с самого начала были предназначены для чтения, а не выступления с трибуны, что способствовало усилению в них логической и уменьшению эмоциональной аргументации по сравнению с речами современников. Устная коммуникация более интенсивно, чем письменная, воздействует на психику аудитории, в распоряжении оратора, выступающего с трибуны, находятся такие действенные средства эмоционального влияния, как мимика, жесты, интонация, которых лишен публицист, вынужденный компенсировать их отсутствием другим способом. Чтобы достичь желаемого эффекта, написанная речь должна увеличить число и внутреннюю интенсивность рациональных доводов и упрочить связь между ними, апеллировать к разуму в большей степени, чем к чувствам. Это обстоятельство и некоторая замедленность отклика Исократу на политические изменения, возможность тщательно отдумывать и отделять свои речи привели к тому, что теоретический план в его произведениях выступил отчетливее, чем у других ораторов, оказался менее связанным с конкретной ситуацией.

Склонность Исократу делать теоретические заключения из отдельных фактов можно наблюдать на примере описания Ареопага, которое используется для изложения взглядов на принципы государственного устройства⁶. Другой конкретный сюжет — вопрос о необходимости окончания Союзнической войны — интерпретируется как проблема правильной и неправильной внешней политики. Характеристика отношений, сложившихся у полисов с Персией и Македонией, превращается в трактат о критериях отбора врагов и союзников, об оппозиции эллинов и варваров⁷. Констатируя факты, Исократ стремится проследить их причинно-следственную связь. Так, тяжелое социально-экономическое положение Афин он считает закономерным порождением неправильной политики, их неудачную внешнюю политику связывает с ориентацией на неверные принципы межполисных отношений⁸, причем обе проблемы рассматриваются во

⁶ Подробнее см. В. И. Исаева, Проблема *παιτριος πολιτεια* у Исократу (Вопросы внутренней организации полиса), ВДИ, 1976, № 3.

⁷ Она же, Политическая программа Исократу в речи «Филипп», ВДИ, 1974, № 2.

⁸ *Isocr.*, *Areopag.* 6—7, 10—12, 16—17, 51—52, 65, 68—69; 81; *De Pace*, 3—5, 9, 12, 14, 38, 53, 59, 95—100, 126—128; *Paneg.* 18, 64, 115—117, 123, 125—126; *Phil.* 30, 40, 43—55, 60—61, 87, 90, 95, 97, 148.

взаимосвязи⁹. Аналогичный подход наблюдается, когда автор предлагает избавиться от всех бед настоящего путем завоевания Азии и, тщательно разрабатывая эту концепцию, выстраивает свои доводы в стройную и логичную систему¹⁰.

С этих же позиций решает Исократ и экономические вопросы, трактуя их как соотношение частного и всеобщего. В речах проводится сопоставление и даже идентификация индивидуального и государственного владений, автор исходит из посылки, что первое служит уменьшенным прототипом второго, поэтому за неустойчивостью состояний афинских граждан он видит общее неблагополучие социально-экономической политики полиса¹¹.

Повышенный интерес оратора к теории отразился и на его терминологии. Э. Миккола отметил недогматичность Исократ в данной области и сделал вывод о необходимости изучения не только первоначального значения слова, но и его исследования в контексте¹². Анализ некоторых терминов в речах оратора показывает неоднозначность их содержания. Выражение *pátrios politéia* употребляется для обозначения комплекса понятий, в который входят самые разнообразные проблемы — религии, морали, политики, экономики, воспитания¹³. Слово *árxh* (власть, начало), примененное для обозначения власти Афин на море — *árxh tñn katá thálattan*, Исократ трактует как начало несчастий полиса — *árxh tōn symforōn*¹⁴. Власть на море, оцениваемая резко отрицательно, противопоставлена *hghemōnia katá thñ* — спартанской гегемонии на суше, отличительными чертами последней признаются дисциплина и выносливость, контрастирующие с распушенностью, характерной для морского могущества¹⁵. Эти варианты межполисных объединений существуют в двух понятиях — как конкретные союзы и как абстрактные принципы, положенные в основу государственных альянсов. Власть на море служит воплощением несправедливого начала, проявляющегося в подавлении полисом-гегемоном более слабых греческих государств, гегемония на суше признается справедливым объединением, основанным на признании независимости всех эллинских полисов (De Pace, 30, 42, 96, 101, 138). Доминирующей для своего времени Исократ считал политику типа *árxh tñn katá thálattan*.

Термины *eñvoia* и *brvoia*, содержание которых будет рассмотрено ниже, применяются оратором при рассмотрении как практических, так и теоретических проблем.

⁹ Тезис о связи взглядов Исократ на внутреннюю и внешнюю политику полиса был выдвинут В. Егером (The Date of Isocrates' Areopagiticus..., стр. 425 сл.) и поддержан К. Брингманом (ук. соч., стр. 62 сл.).

¹⁰ I s o c r., Areopag. 6; De Pace, 42, 51, 79; Paneg. 17, 34, 119, 132—137, 139, 150—151, 153, 174, 185; Phil. 9—10, 42, 86—92, 95—127, 130, 133—143, 153—154.

¹¹ I s o c r., Areopag. 6, 14, 24, 31, 36, 53, 73; De Pace 4, 13, 23, 26, 30, 52, 55, 63, 84—85, 130, 133. Интерес автора к политической и социальной теории достаточно убедительно демонстрирует «Кипрский цикл» (речи, посвященные «делам царей»), имеющий важное значение для понимания его взглядов на государственную организацию, поисков оптимального управления полисом. Э. Д. Фролов в статье «Монархическая идея у Исократ» (сб. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969) выдвинул интересный и, безусловно, верный тезис о связи «Кипрского цикла» с внутренними проблемами полиса. Следует также отметить прослеженную Т. А. Миллер (Шисьма Платона и Исократ, «Античная эпистолиграфия», М., 1967) связь между представлениями Исократ о благе единовластия и конкретными политическими задачами, перечисленными в его письмах различным правителям.

¹² E. M i k k o l a, Isokrates. Seine Anschauungen im Lichte seiner Schriften, Helsinki, 1954, стр. 194.

¹³ И с а е в а, Проблема *pátrios politéia* у Исократ.

¹⁴ Этот прием отмечен в «Риторике» Аристотеля (Rhet. III, 11), как удачный образец употребления слова.

¹⁵ I s o c r., De Pace, 48, 66, 86, 93; Phil. 60.

Продолжая мысль Э. Миккола, мы считаем необходимым отметить полифункциональность политической терминологии Исократов. Оратор обычно использует слово в трех вариантах — его первоначальном значении, значении, определенном актуальной речевой ситуацией, и теоретическом значении. Последний вариант будет наиболее емким и сложным, связанным не только с двумя первыми употреблениями, но и с общими положениями полисной идеологии, что позволяет проследить некоторые аспекты политической пропаганды и соотнести теоретические догмы с практической политикой.

Следующая характерная черта творчества Исократов — активное использование моральных категорий, зачастую применяемых при анализе политических и экономических событий¹⁶. Они придают его положениям эмоциональную окраску, особенно заметную в негативных аргументах. Оратор порицает аморальность сограждан в «Ареопагитике», считая ее одной из причин неправильного управления городом (Aреорag. 39—43). С этих же позиций он осуждает внешнюю политику Афин, объясняя, что стремление к господству над другими полисами несправедливо, подобные действия приравняются им к тирании (De Pace, 26, 58, 91, 108). Поэтому неудачи, постигшие город, закономерны для него не только в политическом, но и в моральном плане: как тиран карается несчастливой личной жизнью за беды, причиняемые другим, так и государство, построившее свою политику на подавлении эллинов, должно понести наказание (De Pace, 110—115). Аналогичный прием используется оратором, когда он убеждает Филиппа Македонского не покорять силой греческие города (Phil. 105—108).

Применение Исократом моральных оценок прослеживается не только в доводах, направленных на осуждение какой-либо тенденции, они могут выступать и побудительным мотивом. Помимо аргументов экономической целесообразности завоевания Персии оратор подчеркнул несовместимость морали эллинов и варваров, установив прямую зависимость между конфликтом моральных ценностей и политическим конфликтом¹⁷. Моральные критерии у Исократов могут придавать одному и тому же понятию и положительное, и отрицательное значение; например, так он подходит к решению вопроса о доходах, полученных путем присвоения чужого имущества, эксплуатации других государств. Оратор категорически отвергает такой подход внутри полисного коллектива¹⁸, считает ошибкой экономическое преимущество, полученное полисом за счет греческих городов¹⁹, и провозглашает добычу, которую можно захватить в Персии, единственным средством спасения Эллады²⁰. Интерпретация антитезы «свое — чужое» зависит у него от того, распространяются или нет на обладателей чужого имущества нормы эллинской морали.

Морализирующий тон произведений Исократов соответствует общему направлению греческой публицистики IV в. до н. э.²¹, значительную роль сыграл также подход оратора к политике и экономике не только как теоретика, но и как ритора, которому для воздействия на аудиторию необходима апелляция к ее моральным ценностям. Но даже среди других ораторов Исократ выделяется своим пристрастием к этической характеристике

¹⁶ На эту особенность Исократов одним из первых обратил внимание Э. Миккола (ук. соч., стр. 251), подчеркнув, что к решению политических вопросов оратор подходит с моральных позиций.

¹⁷ I s o c r., Paneg. 151—152; Phil. 76, 90, 100—104, 124—125, 137, 139.

¹⁸ I s o c r., Aреорag. 30, 35; De Pace, 20, 128, 130.

¹⁹ I s o c r., De Pace, 26, 29—30, 58, 66, 70, 74.

²⁰ I s o c r., Paneg. 17, 34, 119, 134; Phil. 9, 130, 132.

²¹ De R o m i l l y, Les modérés Athéniens...

фактов. Дж. Кеннеди отмечает, например, что ни у одного из них не развит до такой степени моральный синтез аргументов²². Высокая концентрация моральных определений порой даже маскирует у него политическую направленность речей. Так, «Ареопагитик» долгое время расценивался как трактат, посвященный вопросам морали и воспитания, и новая точка зрения, предложенная В. Егером²³, до сих пор разделяется не всеми учеными²⁴.

Три обстоятельства, на наш взгляд, имели решающее влияние на возрастание роли моральной аргументации в речах Исократов. О первом из них мы уже упоминали — общая тенденция времени, вызванная, очевидно, невозможностью оценивать происходящие события только в классических полисных нормах. Так как была настоятельная необходимость объяснения политических и социальных явлений, которыми так богат IV в. до н. э., а традиционная полисная модель не соответствовала целому ряду фактов и тенденций, на сцену выступили моральные категории в качестве замещающих компонентов политических, юридических, философских дефиниций, как определенный регулятор общественных отношений в период кризисных ситуаций.

Два последующих обстоятельства опосредованы первым и имеют более локальное значение, они связаны с проблематикой речей. Из тем, затронутых в произведениях Исократов, особенно интенсивной морализирующей окраской выделяются сюжеты, относящиеся к прошлому государства, и вопросы, касающиеся межполисных отношений.

Восхваление высоконравственной жизни предков противопоставлено аморальности современного оратору общества и выступает в роли недостижимого утраченного идеала; изменение привычных норм полисной жизни содействовало их идеализации как попытке бороться с инновациями при помощи традиционных представлений. Специфика подхода Исократов к решению данной проблемы состоит в том, что он переносит моральные нормы индивида на государство²⁵ и расценивает неверные политические действия как нарушение этических правил, обязательных для полиса в такой же степени, как и для частных лиц.

В. Егер считает оратора создателем нового морального кодекса и видит в «Ареопагитике» гениальную попытку связать изменение человека с изменением структуры государства²⁶. Данное определение представляется нам правильным, но смещающим акценты с широкой проблемы на более узкую, так как особенность «Ареопагитика» состоит прежде всего в тесном слиянии политических и моральных категорий при оценке полисной организации. Использование этических оценок, выработанных полисной идеологией для индивида, и постоянное соотношение моральных качеств гражданина и государства вызваны отсутствием в традиционной системе нужных Исократов дефиниций, поэтому он приспособливает для своих целей те, которые имеются в его распоряжении.

Синтез моральных и политических принципов при характеристике политики государства отчетливо проявился в проблеме межполисных отношений — интерпретация ее оратором заслуживает особого внимания.

²² Kennedy, ук. соч., стр. 83.

²³ Jaeger, The Date of Isocrates' Areopagiticus...

²⁴ Bringmann, ук. соч., стр. 85; Gillis, The Structure of Arguments..., стр. 203; A. Momigliano, Filippo il Macedone. Saggio sulla storia Greca del IV secolo A. C., Firenze, 1934, стр. 138; De Romilly, Les modérés Athéniens..., стр. 355.

²⁵ Эта особенность Исократов была отмечена Ж. Матье (ук. соч., стр. 13), а также Т. А. Миллер (К истории литературной критики..., стр. 33).

²⁶ Jaeger, Paideia..., стр. 53, 111 сл.

Его взгляды обусловлены одним из существенных изменений в политической истории Греции IV в. до н. э. — увеличением числа полисов, претендующих на роль лидеров. Если в конце V в. до н. э. межгосударственная политика определялась в основном двумя государствами-гегемонами, Афинами и Спартой, то в первой половине IV в. до н. э. конфронтация расширилась. В борьбу за первенство включались уже не отдельные полисы, а целые союзы, они и определили важнейшие проблемы политической жизни Эллады: принципы взаимоотношений союзников внутри коалиций и отношение коалиций друг к другу.

Исократ разрабатывает основы политической морали именно для крупных объединений, интерпретируя силу и могущество государства (*δύναμις*) не только как военно-политический потенциал, но и моральный авторитет. Слово *δύναμις* приобретает положительное или отрицательное значение в зависимости от политики полиса-гегемона по отношению к союзникам и другим греческим государствам. Рассматривая роль Афин сначала в Архе, потом во втором афинском морском союзе, оратор приходит к выводу, что полис поступал несправедливо. Несправедливость (*ἀδικία*) выразилась в том, что он «захватил в свои руки право из многочисленных существующих государств одни разрушить, другие возвеличить, третьи устраивать по своему усмотрению» (пер. В. Г. Боруховича²⁷).

Доминация лидирующего полиса в межполисном объединении оказалась тесно связанной с конфликтом между моралью и успехом, правом и силой, или, в интерпретации Исократа, между справедливостью (*δικαίον*) и пользой (*συμφέρον*, *ἰφέλεια*). Его непосредственным предшественником в этой области был Фукидид, впервые выдвинувший тезис о моральных нормах в политике больших полисных коалиций, в частности в афинской Архе. Вряд ли такое совпадение случайно, скорее можно предположить, что речь идет о необходимости объяснения и легализации какой-то общей тенденции, одинаково важной для конца V и середины IV в. до н. э. Мы считаем этой тенденцией настойчивые поиски греческими государствами основ, на которых могли бы строиться межполисные отношения, регулируемые уже не только *κοινὸς νόμος* и определенными правилами ведения войны. Полисы нуждались в правовой разработке своей внешней политики, ее фиксации в уставах коалиций было недостаточно, требовалась теория, подобная теории внутреннего устройства государства, которая при разнообразии вариантов имела бы свой понятийный и фразеологический аппарат.

Первые шаги в данном направлении были сделаны не философами, а историком и публицистом, причем Фукидид и Исократ подходили к проблеме с разных позиций и ставили разные цели ее разрешения, но тем не менее оба выдвинули одну и ту же антитезу. На наш взгляд, такая унификация объясняется одной общей причиной — недостаточной расчлененностью морального и правового сознаний в межполисных нормах, что мешало им справляться со своей функцией регулятора на более ранних этапах истории Эллады. Пелопоннесская война изменила положение, показав насущную необходимость более четких правовых дефиниций. В процессе становления категории права несли на себе немалую долю признаков, свойственных моральным категориям, зачастую их даже трудно разделить. В. В. Оранский убедительно показал это на примере «Истории» Фукидида, хотя трудно согласиться с его конечным выводом о том, что *δικαίον* в V в. до н. э. «превращается в право со всеми характерными его

²⁷ ... ἀλλὰ μὲν οὐδ' οὐκ πολλῶν πόλεων ἐξουσίαν ἔλαβε τὰς μὲν ἀναστάτους ποιῆσαι, τὰς δ' ἀβέησας, τὰς δ' ἕως ἡβουλήθῃ κατακτεῖναι (Phil. 146.) См. также I s o c r., De Pace, 16, 66, 68—69, 79, 83, 96.

чертами»²⁸. Постановка антитезы «польза — справедливость», равно как и оценка внешней политики полисов в терминах морали, были закономерным начальным этапом в становлении теории межполисных отношений (которая так и не получила завершения).

Фукидид и Исократ по-разному решают антитезу. Если у Фукидида внимание направлено на то, чтобы подчеркнуть несовместимость двух понятий (особенно отчетливо эта тенденция проявилась в Мелийском диалоге²⁹), то Исократ пошел по другому пути — уничтожения противоречия. Стремление к снятию антитезы диктовалось конкретной политической ситуацией. Оратор неоднократно подчеркивал, что попытка Афин получить длительное политическое преобладание в Элладе путем насильственного подчинения полисов успеха не имела, более того, удачи в предприятиях подобного рода не могли добиться и соперничающие государства, их лидерство было кратковременным. Исократ противопоставляет господство и справедливость в критический для города момент, когда стало ясно, что Союзническая война проиграна. Критикуя сторонников ее продолжения, он выдвинул тезис о конфликте пользы и справедливости в политике, приведшей государство к плачевному результату (De Pace, 31—34). Затем оратор объясняет, что конфликт мнимый и вызван неверной трактовкой понятий: по-настоящему несправедливость не может быть выгодна, так как ведет к получению преимущества на короткое время, а справедливость гарантирует длительный период благоденствия (De Pace, 31—35, 63, 66). Он сурово осуждает людей, которые не понимают, что «ничто не соответствует материальной выгоде, доброй славе, правильному образу действий и вообще благополучию в такой степени, как добродетель со всем, что в нее входит» (De Pace, 32. Пер. Л. М. Глушкиной).

Исократ использует антитезу «сила — справедливость» лишь в тех случаях, когда она ему выгодна, его мораль тесно связана с политической ситуацией и меняется в зависимости от нее. В речи «О мире» он возмущается афинской политикой угнетения союзников и стремлением города к господству над Элладой как факторами, послужившими причиной поражения государства в войне³⁰. В «Панегирике», произведении, написанном при другой политической обстановке, автор утверждает, что действия города по отношению к союзникам были справедливы, они процветали, а пострадали лишь враги³¹. Это опосредование морали политическими и экономическими нуждами делает ее подвижной, нестабильной. К. Брингман удачно определил мораль Исократа как утилитаристскую и подчеркнул, что она у него — средство для успеха³².

Влияние ситуации на моральную оценку характерно для оратора при любых сюжетах, он применяет этот подход не только при решении внутригреческих дел, но и при взаимодействии моральных систем эллинов и варваров. Если пропаганда антиперсидского похода побуждает его подчеркивать их несовместимость, то угроза македонского завоевания приводит к тому, что он убеждает Филиппа действовать в нормах эллинской морали, при помощи которой доказывает ему несправедливость насильственного подчинения полисов³³.

²⁸ В. В. Оранский, Вопросы права (dikaion, dike) и интереса в эпоху Пелопоннесской войны по Фукидиду, «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 185.

²⁹ Thuc., V, 85—112.

³⁰ Isocr., De Pace, 19—22, 28—29, 64—66, 79—80.

³¹ Isocr., Paneg., 20, 80—81, 100—103, 115.

³² Bringham, ук. соч., стр. 69 сл.

³³ Хотя отношения к македонянам было несколько иным, чем к персам, они в глазах греков не были на одинаковом уровне развития с эллинами (см. Н. Васон, Barbarians in Greek Tragedy, New Haven, 1961, стр. 6; Mathieu, ук. соч., стр. 11).

Наряду с подвижной шкалой моральных ценностей, предоставляющей в распоряжение оратора гибкую систему доказательств, в его произведениях виден и другой, теоретический уровень морали, на нем было выработано понятие о посредничестве, благодаря которому оказалось возможным уничтожение оппозиций. Идея посредничества предполагала примирение и сосуществование слабого и сильного объектов, их объединение на разумных и справедливых началах, одинаково выгодных для двух сторон. Исократ обозначает посредничество как благорасположенность (*εὐνοία*) и заботу (*ἐπιμέλεια*), а состояние согласия называет *ὁμόνοια*. Эти понятия, сохраняя свою стабильность, применяются им при решении конфликтов различных типов, их значение будет рассмотрено ниже.

Еще одна характерная черта творчества Исократа — влияние риторических положений на политические, социальные и экономические категории, в которых он оценивает изменения в жизни Эллады. Сложный конгломерат риторики, политики и ситуации был блестяще проанализирован Д. Джиллисом на двух конкретных примерах — разборе речей «Панегирик» и «О мире»³⁴. Подобный подход, как мы постараемся показать, заслуживает самого пристального внимания и может быть применен не только при исследовании отдельных произведений, но и интерпретации речей оратора в целом.

Удачное соединение Исократом положений ораторской теории с политической реальностью наглядно выступает в использовании им термина *καίρος*, который имеет свою историю. При упорядочении языковых средств софистами для словесного искусства ими были установлены формальные критерии *ὀρθότης* (правильности) на грамматическом уровне и *καίρος* (своевременности) на стилистическом; применительно к ораторской речи второй термин означал, очевидно, использование доводов, уместных в данном произведении³⁵. *Καίρος* может быть трактован и как адаптация речи к изменчивости жизни, психологии говорящего и слушающего³⁶.

В. Штайдле обратил внимание на *καίρος* как на центральный пункт учения Исократа, но понятие учения ограничено у него рамками педагогики³⁷. Нам представляется целесообразным подчеркнуть многозначность термина, что позволяет использовать его одновременно и в риторической концепции, и в политической теории, причем оба аспекта тесно связаны. *Καίρος* у Исократа превратился в инструмент, помогающий оратору приспособить свою речь к сложившейся ситуации, при его посредстве автор определяет способ оформления идеи, структуру аргументации, отбирает и оценивает факты. В то же время *καίρος* отражает неустойчивость и резкие колебания в политической жизни Эллады, ориентацию на удачные обстоятельства, которые могут изменить существующее положение в благоприятную сторону³⁸. В качестве комплекса удачного момента и удачных методов для оправдания курса действий³⁹ *καίρος* для Исократа становится одной из основных установок его политической концепции, приемом пропаганды и методом построения речей. Вероятно, это понятие имеет большое значение не только для творчества Исократа, но и для изучения и по-

Демосфен акцентирует внимание на противопоставлении морали эллинов и македонян (Dem., II, 6—10, 18—20; III, 16; IV, 8—9, 49). Сам Исократ, даже желая всячески польстить Филиппу и называя его причастным к философии, не удержался от намеков на неравенство между греками и македонянами (Phil. 154).

³⁴ Gillis, ук. соч.

³⁵ Миллер, К истории литературной критики..., стр. 41.

³⁶ Kennedy, ук. соч., стр. 67.

³⁷ W. Steidle, Redekunst und Bildung bei Isokrates, Hermes, LXXX, 1952, стр. 264.

³⁸ Подробнее см. Исаева, Политическая программа Исократа..., стр. 166 сл.

³⁹ Мы пользуемся определением Р. Джонсона (ук. соч., стр. 34).

нимания особенностей политического красноречия в целом, так как объясняет механизм интерпретации фактов и тенденций в ораторской речи.

Не меньшее значение для публицистики Исократ имеет другое понятие — *δόγματα τῶν πολλῶν* (мнение большинства), также связанное с риторикой. Установление контакта с аудиторией, приспособление к ее настроению, желание снискать одобрение слушателей и читателей были важной и необходимой чертой ораторской практики⁴⁰. Исократ не ограничивается обращением к читателю как к конечному арбитру в искусстве слова, а переносит этот принцип в область политики⁴¹. Так, он делает чутким критерием правильности внешней политики государства ее одобрение или неодобрение большинством греческих полисов⁴². Пренебрежение общественным мнением он считает опасной тенденцией, которая неизбежно должна привести полис к катастрофе. Свою точку зрения он иллюстрирует примерами действий Афин в Архе и во Втором афинском морском союзе: когда город навлек на себя ненависть эллинов, его внешнеполитическое положение ухудшилось⁴³. Закономерность такого явления подтверждается, по мнению Исократ, и изменением внешнеполитического статуса Спарты, чье тяжелое положение он объясняет враждебностью полисов к Лакедемону (De Pace, 100). Хорошую репутацию оратор определяет как залог удачи политики единовластных правителей и полководцев⁴⁴. В «Филиппе» Исократ упоминает об Алкивиаде, который, хотя и вернулся в Афины с большой славой (*μεγάλη δόξα*), однако не получил всеобщего одобрения (*ὄφ' ἀπαντῶν*), что в глазах автора явно снижает достижения Алкивиада и придает его успехам оттенок авантюризма (Phil. 6).

С термином *δόγματα τῶν πολλῶν* тесно связаны два понятия, характеристика которых важна для исследования политического мировоззрения Исократ: *εὐνοία* (благорасположенность) и *ἐπιμέλεια*, *εὐεργεσία* (забота, благодеяние). Под *εὐνοία*, как доказала Ж. де Ромили⁴⁵, оратор подразумевает вид посредничества, соединяющий справедливость и преимущество. На наш взгляд, *εὐνοία* у Исократ всегда противопоставлена *κράτος* (силе), слову, обозначающему синтез преимущества и несправедливости. Принцип *κράτος* оратор находит в основе построения крупных межполисных объединений V—IV вв. до н. э. — афинской Архе, Втором афинском морском союзе и «спартанской державе». Распадение перечисленных альянсов в результате недовольства союзников и остальных полисов наводит автора на мысль о необходимости более гибких, чем прежде, способов управления. Не отказываясь по существу от политики подавления, полис-гегемон, в его представлении, должен позаботиться о придании своим акциям видимости законности и справедливости. В действиях такого рода, политике типа *εὐνοία*, и должно было помочь искусство слова, способное сформировать благоприятное общественное мнение.

Исократ делает политическую пропаганду важным и неотъемлемым компонентом любых межгосударственных систем, состоящих как из однородных, так и из разнородных элементов. К первым относятся межполисные союзы, ко вторым — альянсы полисов с «варварскими» государствами. Стремление убедить (*πειθῶ*) греческие государства в справедливости и разумности политики Афин, их уважении свободы и автономии других го-

⁴⁰ I s o c r., Antid. 280; Panath. 15; Paneg. 13.

⁴¹ См. Br ig m a n n, ук. соч., стр. 67; Gillis, Isocrates Panegyricus... стр. 54 сл.

⁴² I s o c r., Antid. 124; Panath. 24, 35, 48, 57, 62, 67—68; 105; Paneg. 26, 75; Phil. 49, 148; Plat. 40, 43.

⁴³ I s o c r. Areopag. 8, 10, 17, 80—84; De Pace, 42, 79, 125.

⁴⁴ I s o c r., Antid. 121, 133—138; Ad Dem. 17, 37; Ad Nic. 37; Euag. 45, 54; Nic. 15; Phil. 68—79.

⁴⁵ De Romilly, Eunoia..., стр. 96.

родов особенно настойчиво звучит в периоды ослабления их позиции, а военные неудачи побуждают автора поспешно и с готовностью признать ошибки полиса в прошлом и гарантировать их исправление в будущем (De Pace, Paneg.). Аналогичный случай, т. е. желание изменить неблагоприятную политическую ситуацию при помощи слова, мы наблюдаем в «Филиппе», где оратор приводит многочисленные доводы в пользу мирной и доброжелательной политики Македонии по отношению к Элладе.

В представлении Исократова правильная внешняя политика должна быть основана на проявлении не только доброжелательности, но и заботы. С. Пелмен высказал интересную мысль об употреблении слова ἐπιμέλεια в политической сфере как показателя различия между хорошей архэ и тиранией⁴⁶. Иными словами, это понятие — критерий, определяющий правильность или неправильность принципов межгосударственного союза. Если к методу убеждения государству следует прибегать скорее в моменты ослабления, то с ἐπιμέλεια мы сталкиваемся в случаях явного политического или экономического преобладания⁴⁷. Как вариант «заботы» в «Филиппе» применяется εὐεργεσία (благодеяние) — поведение, наиболее подходящее для македонского царя по отношению к эллинам (Phil. 20, 32, 36—37).

Таким образом, понятия εὐνοία, ἐπιμέλεια и εὐεργεσία используются Исократом для удачного и гибкого приспособления политической пропаганды к действительности — метод, пригодный для полисной политики в любой ситуации — и благоприятной, и неблагоприятной.

К постулатам ораторского искусства относится необходимость блюсти должное, надлежащее (πρέπον, δέον) в содержании и построении речей⁴⁸. Исократ придерживается этого правила в области техники произведений и одновременно делает его своей центральной установкой, которая в значительной степени формирует содержание речей. Ради соблюдения должного оратор одни события ставит в центр речи, другие замалчивает, третьи искажал. Показательным примером может служить его отношение к внешнеполитическому положению Афин, теме, фигурирующей почти везде, постоянное внимание к которой несомненно.

Однако в разных речах данная проблема занимает различное место. В периоды, когда были написаны «Панегирик» и «О мире», вопрос о статусе Афин в Элладе стоял чрезвычайно остро, и принципы их взаимоотношений с другими полисами были предметом бурных политических дискуссий внутри города. Эта тема становится основной, все остальные проблемы затрагиваются только в связи с ней и решаются в одном аспекте — могут ли они способствовать или препятствовать ее решению. В произведениях, посвященных другим сюжетам, происходит обратное явление — внешняя политика Афин находится в зависимости от других центральных вопросов, играет подчиненную роль.

Интерпретация фактов у оратора также ориентирована на δέον: в «Панегирике» (380 г.), речи, которую исследователи, несмотря на отдельные разногласия, все-таки считают прямо или косвенно связанной с образованием Второго афинского морского союза⁴⁹, отчетливо звучит лейтмотив оправдания отношения Афин к союзникам в Архэ и стремление доказать

⁴⁶ P e r l m e n, Isocrates Advice..., стр. 340 сл.

⁴⁷ I s o c r., Antid. 13, 116; Archid. 64; Panath. 53, 56, 114—115; Paneg. 57, 104.

⁴⁸ М и л л е р, К истории литературной критики..., стр. 55.

⁴⁹ Например, Е. А. М и л л и о р, Исократ и II Афинский морской союз, «Уч. зап. ЛГУ», № 39, вып. 4, 1939; E. B u c h n e r, Der Panegyrikos des Isokrates. Eine historisch-philologische Untersuchung, Wiesbaden, 1958; J a e g e r, Paideia..., стр. 142; P. W e n d l a n d, Beitrage zur athenischer Politik und Publizistik, Göttingen, 1910, стр. 135; U. W i l l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f, Aristoteles und Athen, В., стр. 380 сл.

необходимость нового полисного объединения. Формально автор предлагает возглавить его двум государствам — Афинам и Спарте, но общий тон произведения — усиленное восхваление Афин и противопоставление их гегемонии господству Лакедемона, приведшего к разорению Эллады и усилению в ней противоречий⁵⁰, — не оставляет у читателя сомнения в явном предпочтении, оказываемом оратором родному городу⁵¹. Речь «О мире» (355 г.) написана в период, когда неминуемое военное поражение Афин диктовало целый комплекс проблем, нуждавшихся в скорейшем разрешении, — необходимо ли заключение мира на данном этапе, с кем и на каких условиях, какими принципами следует руководствоваться в дальнейших взаимоотношениях с полисами. Тон Исократы здесь совершенно иной, он резко обрушивается на политику Афин и в Архэ, и во Втором афинском морском союзе, упрекая их в угнетении союзников, вмешательстве в дела других государств и пренебрежении собственными (De Pace, 16—35, 41 сл.).

Об использовании Исократом принципа надлежащего универсально свидетельствует его метод исторических ссылок. Даже беглого взгляда на речи оратора достаточно, чтобы заметить, что обращение к прошлому полиса — одна из их отличительных особенностей. Особенно ясно она видна в «Ареопагитике», «Панегирике» и «Панафинейской» речи. Исследования показали, что ссылки на историю государства были довольно широко распространены у аттических ораторов IV в. до н. э.⁵², следовательно, можно говорить не об оригинальности приема, а о своеобразии его применения у Исократы. Оно отразилось в гораздо более широком, по сравнению с речами современников, привлечении исторического материала⁵³ и в том, что метод исторических ссылок и параллелей приобрел в творчестве оратора принципиально новое качество: из фона, оттеняющего основные положения, он превратился в один из приемов построения речи, прошлое и настоящее стали одинаково активно использоваться для воздействия на читателя. Этому способствовал ряд факторов как общего, так и частного характера. К первой группе можно отнести повышенное внимание к истории, характерное для IV в. до н. э. Мы уже упоминали о частых исторических ссылках в речах ораторов, превратившихся в *topoi*, необходимо отметить также активное использование лозунга *πάτριος πολιτεία* в борьбе политических группировок⁵⁴, не случайно и появление в данный период «Афинской политики» Аристотеля с его вниманием к политической стороне истории города.

Ф. Якоби отметил две интересные для затронутой проблемы черты греческой историографии IV в. до н. э. — трактовку истории как политического предмета и убежденность в том, что историк одновременно и политический учитель, который может влиять на общественное мнение⁵⁵. Такое возрастание роли истории в политической жизни Эллады объясняется повышением интереса к прошлому и к жизни предков как синониму устойчивости и стабильности в период конфликтных ситуаций и кризисных явлений. С другой стороны, апелляция к историческим фактам служит обоснованием инноваций, порождаемых данными конфликтными ситуациями.

Вторая группа факторов, определившая специфику восприятия истории Исократом, носит более частный характер. Больше, по сравнению с

⁵⁰ I s o c r., Paneg. 23—72, 115—126.

⁵¹ В общей оценке «Панегирика» мы разделяем точку зрения П. Клоше (Isocrate et la politique lacédémonienne..., стр. 132).

⁵² Подробнее см. И с а е в а, О некоторых направлениях..., стр. 146—149.

⁵³ Fr. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, II, Lpz. 1892, стр. 49 сл.

⁵⁴ Подробнее см. И с а е в а, Проблема *πάτριος πολιτεία* у Исократы, стр. 35 сл.

⁵⁵ F. J a c o b y, Atthis: the Cronicles of Ancient Athens, Oxf., 1943, стр. 130.

другими ораторами, внимание к прошлому, не простые ссылки на события, а их интерпретация и комментирование, попытки установить причинно-следственную связь обусловлены стремлением Исократ к теоретизации, о котором упоминалось выше. Поэтому анализ его речей дает относительно цельную историческую картину, составленную из наиболее важных эпизодов прошлого Афин.

В то же время у оратора отсутствует главное условие исторического сочинения — последовательность в изложении; трактовка одних и тех же событий порой бывает противоречива, он подходит к прошлому как ритор, который занимается не описанием, а объяснением. Поэтому Исократ обращается только к хорошо известным читателям фактам, по определению Д. Джиллиса, суммирует опыт аудитории⁵⁶. Историческое описание для него не самоцель, а средство, подчиненное основной идее, которая и привлекает его внимание к определенным событиям прошлого, объясняемым в нужном аспекте, отобранным по принципу *δέσιν*. Историческая концепция Исократ ставит его посредине между историком и ритором как создателя нового историко-публицистического жанра, в котором переплелись элементы истории и политической пропаганды.

Взаимодействие истории и риторики в политическом красноречии оказало влияние на исторические труды, способствуя усилению в них тенденциозности и морализирующего тона. Поскольку новый подход к истории, продемонстрированный Исократом, воздействовал не только на его современников, но и на более поздних авторов⁵⁷, имеет смысл несколько подробнее остановиться на его приемах использования исторических ссылок.

Охарактеризовав историю как общее наследство, которым можно воспользоваться в нужный момент (Paneg. 9), оратор на практике часто прибегает к возможности обращения к прошлому. В «Ареопагитике», когда он излагает свои взгляды на основы полисной организации, исторические ссылки применяются для критики радикальной демократии при построении идеальной модели. Соединение этого приема с политическим лозунгом привело к изложению *stredo* оратора в форме социально-политической утопии. В «Панегирике» Исократ постоянно упоминает о подвигах, совершенных афинянами в греко-персидских войнах, об их выдающихся заслугах перед Элладой⁵⁸; здесь история служит для обоснования права Афин на гегемонию в Греции, читатель подводится автором к выводу по идентичности в отличие от вывода по контрасту, использованного в «Ареопагитике». К аналогичному выводу по идентичности Исократ прибегает в «Филиппе», когда разворачивает перед македонским царем картину дружеских отношений между предками Филиппа и греками и обращает его внимание на многочисленные услуги, оказанные в прошлом Афинами Македонии. Здесь цель исторических экскурсов — отвести угрозу завоевания (Phl. 32—34, 106—108). При обосновании необходимости похода в Азию Исократ ставит историю на службу будущему, напоминая об обидах, причиненных персами эллинам во время греко-персидских войн, и об отгаве предков, воевавших с варварами и одержавших много славных побед⁵⁹.

И наконец, в ряде случаев прошлое становится причиной, а настоящее — следствием. По такой схеме Исократ строит выпады против внешней по-

⁵⁶ Gillis, *Isocrates Panegyricus...*, стр. 59.

⁵⁷ Исократ оказал воздействие не только на историков, бывших его учениками — Эфора и Феопомпа, но и на последующую историографию раннеэллинистического периода — на труды Каллисфена, Тимея, Онесикрита, Клитарха (К. К. З е л ь и н, *Из области греческой историографии IV в. до н. э.*, ВДИ, 1960, № 1, стр. 84 сл.).

⁵⁸ I s o c r., Paneg. 52, 57, 63, 68—70, 75, 81, 85, 103 сл. См. также De Pace 30, 38, 41—43; Panath. 24, 48, 52, 54.

⁵⁹ I s o c r., Areopag. 6, 80; De Pace, 43; Paneg. 118, 155, 185.

литики Афин в речи «О мире», когда утверждает, что эллины возненавидели полис из-за наглости предков (*τὴν ἀσελγείαν τῶν πατέρων* — De Pace, 79). Данный прием используется также для критики внутренней политики группировки радикальной демократии: порча политики объявлена прямым результатом действий лиц, отнявших у Ареопага его права (Агеорэг. 50—51).

Исократ торжественно провозгласил принцип точности и правдивости в ораторском описании (Euag. 10), но направленность риторской практики делает этот тезис одним из штампов пропаганды, цель которой — завоевать доверие аудитории. Использовались как умолчания, так и искажение событий прошлого и настоящего: например, для доказательства положения о том, что внешняя политика демократии лучше политики тридцати тиранов, победу Конона при Книде (394 г.) оратор переносит в 360—361 гг. (Агеорэг. 65). Заключение Анталкидова мира приписано Ксерксу, а не Артаксерксу для доказательства морального падения греческих полисов (Phil. 42). Для обоснования дуалистической гегемонии Афин и Спарты в «Панегирике» Исократ, исказив широкоизвестные исторические факты, пишет о единодушии афинян и спартанцев во время греко-персидских войн (Paneg. 86 сл.); чтобы показать легкость завоевания Востока, оратор дает заведомо неверную картину военно-экономического потенциала Персии (Paneg. 138—164; Phil. 99—104).

К числу специфических особенностей Исократа можно отнести значительное влияние экономических факторов на его политическую и социальную концепцию. В речах постоянно встречаются ссылки на выгоду, пользу, доход (*συμφέρον, πρόσδος, φέλεια, πλόνεξία*), эти понятия становятся определяющими при решении любого вопроса, польза или вред политических акций рассматриваются в зависимости от их влияния на уровень жизни и благосостояния полисного коллектива.

В ораторской практике Исократ придает большое значение пользе как конечной цели хорошо составленной речи⁶⁰, в сфере политики польза для него — задача, поставленная перед государством, и одновременно показатель правильности выбранного им пути. Здесь истоки прагматизма оратора, позволившего ему уловить тенденцию времени и выразить ее в виде четко сформулированных проблем, поставленных перед полисами: объединение и поход на Восток. Его программа направлена на стабилизацию полисной системы, устои которой подверглись смертельной опасности из-за социальных смут, изменения соотношения между богатством и бедностью, взаимного соперничества греческих государств⁶¹.

Исократ ясно определяет причины ожесточенной борьбы за гегемонию в Элладе — недостаток земли и хлеба. Нужда (*ἀπορία*), пишет он, разрушает дружбу, обращает родство во вражду (*ἔχθρος*) и вовлекает всех людей в войны и смуты (*πολέμος, στάσις*)⁶². Захват земель и богатств «великого царя» и вывод в Персию греческих колоний должны были помочь в устранении и причины, и ее следствий⁶³. Путь внешней экспансии избран оратором не случайно, бесконечные военные столкновения в Греции первой половины IV в. до н. э., которые привели к резким изменениям в экономическом и политическом статусе полисов, подсказывали его в качестве наиболее быстрого и эффективного пути восстановления равновесия внутри греческих государств и между ними.

⁶⁰ I s o c r., Antid. 78—79, Paneg. 4; Phil. 13, 124. Так же трактует назначение политической речи и Демосфен (I, 1, 16; III, 36; VIII, 32; IX, 4).

⁶¹ I s o c r., Antid. 65, 142—160; Агеорэг. 10, 24; De Pace, 20, 79, 99—100, 128, 130; Paneg. 17, 34, 119, 132, 174; Phil. 9.

⁶² I s o c r., Paneg. 17, 34, 119, 132, 174; Phil. 9.

⁶³ I s o c r., Paneg. 17, 132—133; Phil. 9, 89, 120—122, 132.

Исократ строит свои речи на убежденности в полезности предлагаемых им действий. Тема пользы звучит в его произведениях решающим аргументом, подкрепляющим приведенные ранее доводы. Оратор уверен, что государства в политических действиях руководствуются не ненавистью и клятвами (*μῆτις ἐχθρὰς μῆτις ὄρων*), а только соображениями пользы (*ὠφέλεια* — Phil. 45), поэтому наряду с традиционной аргументацией — моральной и политической — он вводит еще один вид доказательств — экономический.

По мнению Д. Джиллиса, доказательства в речи «О мире» делятся на два типа — юридические доводы и доводы с точки зрения целесообразности, причем они настолько переплетены, что зачастую их невозможно разделить⁶⁴. Это интересное и верное наблюдение нуждается в некотором дополнении и расширении. Прежде всего в данную схему следует включить моральные аргументы, так как моральные категории неотделимы от мировоззрения оратора. Доводы, которые Д. Джиллис называет юридическими, чаще всего связаны с политикой, а доводы с точки зрения целесообразности — с экономикой. Таким образом, трехмерная система аргументации соответствует у Исократ универсальной оценочной единице, составленной из политических, моральных и экономических категорий. Роль этих частей не одинакова, два первых вида более традиционны, что доказывается их широким использованием в «Ареопагитике», произведении, наиболее тесно связанном с положениями, которые выработаны предшественниками оратора, экономическая аргументация там почти не встречается. В речах, больше приближенных к конкретной политической ситуации и меньше к теории («О мире», «Панегирик», «Филипп»), экономические доказательства встречаются гораздо чаще, ими опосредованы и моральные, и политические доводы.

В речи «О мире» оратор доказывает афинянам, что мирная политика полезнее военной, что морское владычество не приносит пользы городу⁶⁵. В понятие пользы у него входят богатство (*εὐπορία, χρηματισμός*), доходы (*πρόσοδος*), процветание (*εὐδαιμονία* — De Pace, 19—21, 32, 63). Синоним *πρόσοδος*, слово *πλεονεξία* встречается обычно в отрицательном контексте и связано с несправедливостью, неправильным образом действий, обозначаемых как вмешательство в чужие дела (*πολυπραγμοσύνη* — De Pace, 26, 58, 108). В данном случае автор прибегает к той же терминологии, что и Фукидид, применяет уже установившийся стереотип⁶⁶. Исократ расширяет его значение и переносит с политики Афин на политику полисов-гегемонов. Стремление к экономической выгоде, лежащее в основе межполисных отношений, он называет *πλεονεξία* и ставит своей целью доказать, что такой выгоде следует предпочесть пользу от согласия (*ὠφέλεια* — *δύναμις* — Phil. 9, 40).

В «Филиппе» экономические аргументы явно преобладают над моральными и политическими. Здесь польза уже не комплекс понятий, обозначающий общее благополучие, она прямо связана с представлением даже не просто о походе, а о военной добыче, ожидающей Филиппа, если он согласится возглавить греко-македонский поход в Азию, хотя оратор и заботится о некотором камуфляже, обещая впридачу почет и немеркнущую славу⁶⁷.

⁶⁴ Gillis, The Structure of Arguments..., стр. 199, 204 сл.

⁶⁵ Isocr., De Pace, 26, 66, 70, 72, 74.

⁶⁶ Значение термина *πολυπραγμοσύνη* в политике исследовано в интересной статье В. Эрэнберга (W. E h r e n b e r g, Polypragmosyne: a Study of Greek Politics, JHS, LXVII, 1947). На активное использование этого термина Исократом указал К. Брингман (ук. соч., стр. 63 сл.).

⁶⁷ Isocr., Phil. 36, 111—119, 133, 143, 153.

В публицистике Исократы мы наблюдаем не только влияние экономики на политические и социальные воззрения, но и обратное воздействие. Одна экономическая аргументация, при всей своей актуальности, не могла служить побудительным мотивом для каких-либо действий, оратор должен был использовать весь имеющийся у него арсенал средств убеждения. Поэтому чисто экономические мотивы зачастую прикрыты ссылками на религию, историю, мораль, политику, оформлены в привычных для полисной идеологии стереотипах. Например, чрезвычайно разнообразны методы, к которым прибегает автор, чтобы обосновать необходимость завоевания Персии: здесь и призывы отомстить за обиды, причиненные во время греко-персидских войн⁶⁸, и доказательства легкости покорения Азии⁶⁹, и порицание трусости варваров, их неспособности к управлению, предрасположенности к рабству⁷⁰, ссылки на мифологию и Гомера⁷¹ и даже на дурное воспитание персидского царя (Phil. 139).

Сочетание риторических приемов с социально-экономическими событиями связано с очень существенным вопросом о достоверности сведений, сообщаемых Исократом о богатстве и бедности, о социальных конфликтах, о внутренних противоречиях в полисах. Прежде всего оговоримся, что хотя оратор и приводит отдельные конкретные факты, речь может идти лишь о выявлении общего направления, так как преобладают суммарные характеристики. Исократ много пишет о бедствиях греческих государств, их тяжелом экономическом состоянии, обострении социальной борьбы. Оратор воспринимает обстановку в полисах как состояние всеобщего озлобления, у него очень высока концентрация слов, обозначающих зло (*κακόν*), смятение (*ταραχή*), опасности (*κίνδυνος*), перевороты (*στάσις*), убийства и разрушения (*ἀπώλλομαι, τέμνω, λοιπαίνομαι, ἀποκτείνω*). Все это производит сильное эмоциональное впечатление и на читателя, которому адресованы речи, и на исследователя, создавая довольно мрачную картину социально-экономического положения Эллады первой половины IV в. до н. э.

Когда речь заходит об отдельных полисах, они описываются в том же духе. Характеризуя современные ему Афины, оратор недоволен существующим положением дел в любой затронутой им области, но экономика вызывает у него особенно острую реакцию. Исократ убежден, что государство находится на грани катастрофы — город наполнен стенами, никто не живет легко и радостно, хотя у разных слоев населения свои беды. Бедняки пребывают в постоянной нужде, ради пропитания тянут жребий в дикастерии, мерзнут зимой в одежде, вид которой не поддается описанию, выпрашивают подавание и скитаются по Элладе⁷². Положение состоятельных людей тоже плачевно, их жизнь невыносима из-за постоянных денежных вымогательств со стороны полиса, угроз и притеснений, полного отсутствия заботы об их безопасности⁷³. Оратор пишет, что из-за постоянных военных действий многие занятия заброшены, государственная казна оскудела⁷⁴. Он подчеркивает, что подобные беды испытывают не только Афины, но и другие полисы Греции (Phil. 47—55), число же скитающихся бедняков достигло таких размеров, что они превратились во всеобщую угрозу и опасность (*κοινὸν φόβον καὶ κίνδυνον ἀπασίν ἡμῖν* — Phil. 121).

Сообщаемые Исократом факты и его комментарии к ним сводятся к критике и неприятию социально-экономических процессов, протекающих

⁶⁸ I s o c r., Areopag. 6; Paneg. 155, 185; Phil. 42.

⁶⁹ I s o c r., Paneg. 140—149; 159—165; Phil. 86—92, 95—97.

⁷⁰ I s o c r., Paneg. 151—152; Phil. 76, 90, 100—104, 107, 125, 137.

⁷¹ I s o c r., Paneg. 159; Phil. 111—112.

⁷² I s o c r., Areopag. 34, 50, 54, 83; De Pace, 24, 128, 130; Phil. 120.

⁷³ I s o c r., Antid. 159—164; De Pace, 20, 128, 130.

⁷⁴ I s o c r., Antid. 108; De Pace, 20, 22, 46—47, 68, 82, 92, 130—131.

в современной ему Элладе, но истоки его оценок и сферы их применения различны, так что его позиция не может быть определена однозначно.

Когда Исократ описывает бедственное положение Эллады, он хочет доказать, что несчастья полисов одинаковы, поэтому в «Панегирике» и «Филиппе» происходит своего рода нивелирование характеристик, создание единой схемы. Такой подход связан с главной целью автора — обоснованием необходимости завоевания Востока, социально-экономическая характеристика играет здесь подчиненную роль и используется как доказательство. Одни и те же беды должны, по его мнению, как создать предпосылки для объединения, так и свидетельствовать об универсальности предложенного им средства избавления от нужды, в лозунг панэллинизма помимо этнических, культурных и политических стимулов для консолидации Исократ вводит негативный экономический фактор.

Сведения, сообщаемые оратором об общем направлении экономических процессов, протекающих в Греции, не лишены достоверности и имеют под собой реальное основание, но внимание автора направлено исключительно на отрицательные стороны явлений, что приводит к искажению картины в целом. Используя данные Исократа в этой области, необходимо помнить, что они отобраны и интерпретированы очень односторонне, находятся в зависимости от идеи завоевания Персии.

Изображение внутренней жизни полиса реже используется в качестве аргументации и структура его гораздо более сложная, точка зрения оратора здесь тесно связана с его политическими и социальными воззрениями. Позиция, занятая Исократом в «Ареопагитике» и особенно в «Антидосисе», показывает его как убежденного сторонника и защитника той части граждан, которых он называет *οἱ ἐχόμενοι* и *οἱ κερταμένοι*, оплакивая их несчастья.

Из работ последних десятилетий видно, что положение имущих людей было далеко не так плачевно, как пытается представить его оратор, и полис, вопреки его утверждениям, отнюдь не находился на краю гибели из-за развала экономики⁷⁵. Л. М. Глушкина показала, что жалобы собственников на эйсфору, литургии и триерархии в IV в. до н. э. обусловлены изменениями в финансовой сфере государства, большим разрывом между доходами частных лиц, зачастую скапливавших большие богатства, и казной полиса, постоянно испытывающей недостаток средств, что повлекло за собой необходимость увеличения доли доходов, поступающих в государство с налога на имущество⁷⁶.

Произведения Исократа демонстрируют, как перемены в экономике полиса влияли на изменение взаимоотношений личности и государства, свидетельствуют о нарушении традиционных связей между полисом и гражданином. Кризисные явления в экономике вынуждали государство проводить политику прямого вмешательства в материальные ресурсы частных лиц, так как существование полиса было построено на основе определенного распределения дохода его граждан. В речах оратора отразилась реакция части имущих афинян, воспринявших действия подобного рода как незаконное покушение на их имущество. Причем недовольство было вызвано не только размером взимаемой суммы, но и использованием ее

⁷⁵ Например, В. Г. Андреев, Размеры земельных участков в Аттике IV в. до н. э., ВДИ, 1959, № 2; Л. М. Глушкина, Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э., Л., 1975; M. I. Finley, Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500—200 B. C., New Brunswick — New Jersey, 1952; S. Perlman, The Politicians in the Athenian Democracy of IV century B. C., Athenaeum, XLI, 1963; он же, The Political Leadership in Athens in the Fourth Century B. C., La parola del passato, CXIV, 1967.

⁷⁶ Глушкина, ук. соч., стр. 142 сл.

для поддержания неимущих граждан. Раздраженному Исократу кажется, что толпы бедняков, не желающих заниматься производительным трудом, заполонили весь город, построив свое существование на эксплуатации состоятельных людей. По верному наблюдению А. Фукса, оратор говорит не о сравнительной, а о радикальной бедности, предпочитая вместо стандартных терминов *οἱ πένητες, οἱ ἄποροι* употреблять гораздо более сильные выражения типа *οἱ καθ' ἑκάστην ἡμέραν τῶν ἀναγκαίων ἐνδεεῖς, οἱ μάλιστα βίου δεόμενοι, οἱ συνεχῶς πενόμενοι* ⁷⁷.

Абсолютизация Исократом некоторых процессов, имевших, бесспорно, место в жизни полиса, повлияла на целый ряд исследователей, которые рисуют внутреннее состояние Афин в духе оратора, добавив значительную долю модернизации ⁷⁸, забывая о том, что сведения, сообщаемые оратором, не могут служить прямым доказательством тех или иных экономических и социальных явлений и тем более — их размеров. Ведь Исократ отмечает в данном случае не столько сами процессы, сколько их реминисценции в области социальной психологии определенной части населения полиса, регистрирует изменение во взаимосвязи личности и государства в сфере идеологии. Иными словами, нельзя элементы идеологических дефиниций автоматически переносить на экономические. Не следует забывать также и о риторических эффектах, которые придают сообщаемым автором фактам интенсивную эмоциональную окраску, что еще больше способствует искажению их сущности.

При трактовке Исократом экономических вопросов можно наблюдать несоответствие между теоретическими нормами полиса и практикой IV в. Непосредственная реакция Исократа расходится с его концепцией, воспринятой от предшественников, о пагубности слишком большого богатства и необходимости делиться им с окружающими, об обязанности состоятельных людей помогать нуждающимся согражданам (Areopag. 32—35). При интерпретации внутренней политики Афин эти традиционные взгляды уступают место появившейся в IV в. до н. э. тенденции к их пересмотру. Отстаивая старую концепцию в теории, на практике оратор выступает против нее, хотя уверен, что протестует только против экстремистской политики радикальной демократии.

Если в «Ареопагитике» этический аспект богатства и бедности остается в тени, то в речи «О мире» он получает новую оригинальную разработку. Исократ обращается к хорошо известной читателям теме — о моральном осуждении несправедливо полученного богатства и наказании его обладателей (De Pace, 6, 30—35). Классический тезис полисной идеологии применяется оратором в конкретной внешнеполитической ситуации для укрепления его точки зрения, доказательства ее соответствия традициям и этическим нормам. Мы имеем возможность наблюдать не только диспропорцию между сложившейся идеологией и практикой IV в. до н. э., но и использование теории для легализации и упрочения новых, направленных против нее тенденций.

В реакции Исократа на экономические и социальные процессы своего времени чувствуется растерянность, его представления об общем упадке полиса не могут быть обусловлены только социальной позицией и стрем-

⁷⁷ A. F u k s, *Isocrates and the Social-Economic Situation in Greece*, AS, 3, 1972, стр. 23 сл.

⁷⁸ Например, E. A c o s t a, E. S o l à, *Aspectos socioeconomicos de la Grecia del siglo IV*, «Boletín del Instituto de estudios Hellenicos», IV, fasc. 2; V, fasc. 1, Barcelona, 1970—1971, стр. 24; F u k s, *Isocrates...*, стр. 26; о н ж е, *Patterns and Types of Social-Economic Revolution in Greece from the Fourth to the Second Century B. C.*, AS, 5, 1974, стр. 56; C. M o s s è, *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IV siècle avant J. C.*, P., 1962, стр. 104 сл.

лением воздействовать на аудиторию, причины данного явления гораздо более глубокие.

Современники оратора также воспринимали первую половину IV в. до н. э. как период интенсивных сдвигов в экономике и глубоких социальных потрясений. Описывая их, проявляют поразительное единодушие такие разные авторы, как Платон, Аристотель, Лисий, Ксенофонт, Демосфен⁷⁹. Все они испытывают своего рода эмоциональный шок, трактуя события как поспраие установленных норм, всеобщую анархию и смятение. Сходную, очень острую и бурную реакцию на социальные и экономические конфликты мы находим в литературе VI в. до н. э., связанную с развитием товарно-денежных отношений, вторжением экономики в традиционные нормы предшествующей эпохи⁸⁰.

Указанные периоды, конечно, отличны друг от друга, но причины явлений одинаковы. В IV в. до н. э. наблюдается интенсивное развитие экономики, связанное с ее переходом на новую ступень развития. Растущим товарно-денежным отношениям становилось тесно в рамках полиса, наступало несоответствие между потребностями экономического развития и принципами полисной системы. Новые тенденции, направленные против полиса как определенной системы социальных, экономических и политических отношений, воспринимались их современниками в виде катастрофы и разрушения государственных основ. Исократ не был исключением из этого правила.

Приспосабливаясь к изменениям на практике и предлагая пути выхода из создавшегося положения вполне в духе своего времени, определенная часть перечисленных авторов в теории ориентировалась на систему ценностей и установлений, выработанную для классического полиса, воспринимая все происходящее как отклонение от нее. А. Циммерн высказал верную мысль о существовании представления о «нормальном» греческом государстве — идеальной организации, которая была моделью для источников IV в. — произведений Платона, Аристотеля, Исократа. Он справедливо замечает, что прототипом этой модели могла служить определенная стадия в развитии государства, время стабилизации и расцвета. Для Афин он соотносит данную стадию с VI в. до н. э.⁸¹, что, на наш взгляд, неправомерно, здесь скорее можно говорить о периоде Пентеконтаэтии как наивысшем расцвете полиса.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на два уровня в концепции Исократа — теоретический и практический, которые порой бывают связанными между собой меньше, чем можно было бы ожидать, хотя имеют одни и те же цели. На теоретическом уровне анализа создавшегося положения автор ищет выход, ориентируясь на силы самого полиса, считая, что перегруппировка элементов вернет структуру государства к ее оптимальному варианту. Именно так решается вопрос в «Ареопагитике», который при всем своеобразии жанра и приемов стоит, пожалуй, ближе к произведениям Платона и Аристотеля, чем к ораторским речам и публицистике IV в. до н. э.

Теоретизация межполисных отношений нашла отражение в выявлении и обозначении основных тенденций в политической жизни Эллады, стремлении выработать категории для их оценки. Речи Исократа отразили усиление роли политической пропаганды во внешней политике полисов и

⁷⁹ Мы сознательно оставляем в стороне другие данные и ограничиваемся только основными литературными источниками с четко обозначенной суммарной тенденцией.

⁸⁰ См. К. К. З е л ь и н, Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э., М., 1964, стр. 161, 188 сл.

⁸¹ A. Z i m m e r n, The Greek Commonwealth. Politics and Economics in Fifth Century Athens, Oxf., 1961, стр. 350 сл.

внесли значительный вклад в становление и развитие ряда лозунгов — справедливости, свободы, автономии, всеобщего мира. На практике все меры, предлагаемые оратором, сводятся к объединению полисов и завоеванию Персии. Для этого был абсолютизирован конфликт, существовавший между Элладой и Персией, на него переключены все конфликтные ситуации, возникшие внутри полиса, между полисами и даже между Грецией и Македонией.

Термины *εὐνοία* и *ὀμόνοια* служат связующим звеном между теоретическим и практическим уровнями, хотя они по-разному трактуются на каждом из них. В теории ими обозначаются принципы, составляющие основу жизни гражданского коллектива, т. е. благожелательность и единомыслие у граждан, живущих в одном полисе, признание каждым своего места в государственной системе и добровольное исполнение связанных с ним обязанностей. Отклонение от подобного образа жизни приводит, по мнению оратора, к усилению нужды и социальным распрям⁸².

В межполисных отношениях лозунгом *εὐνοία* Исократ определяет политику лидирующих полисов по отношению к остальным. Термин *ὀμόνοια* тесно связан с идеей панэллинизма, выдвинутой в литературе V в. до н. э. и получившей у оратора дальнейшую разработку и завершение⁸³. Он понимает панэллинизм как общность культурных, политических и социальных воззрений, системы жизни, противопоставленной варварам и создающей предпосылки для объединения греческих государств, а также разнородных социальных групп. Последнее исключает интерпретацию *ὀμόνοια* у оратора как «единства интересов крупных собственников рабовладельцев и уже не только одного полиса»⁸⁴.

Практический уровень *εὐνοία* и *ὀμόνοια* используется Исократом только в межгосударственных отношениях. Термины связаны с консолидацией полисов для военного похода в Азию, с единством и доброжелательством союзников (*σύνμαχος*), сплоченных перед лицом общего врага, так как военная кампания (*στρατεία*) невозможна без согласия. Вариантом такой трактовки служит и предполагаемый альянс между Элладой и Македонией против Персии, хотя здесь акценты несколько смещены, на первом плане стоит *εὐνοία*, что обусловлено неравенством сил партнеров.

Заключившая очерк, посвященный некоторым особенностям политической публицистики Исократа, мы считаем необходимым отметить следующее.

Речи оратора дают интересный образец применения риторических приемов при анализе процессов, характерных для жизни полисов первой половины IV в. до н. э. Такой подход позволил автору использовать достижения греческой мысли в области философии, этики, политики в практической деятельности, перевести их на язык политической пропаганды, доступный и понятный всем слоям населения полиса. Сочетание риторических положений с политическими, экономическими и моральными категориями позволяет понять такие важные для Исократа черты, как интенсивная морализирующая окраска его речей, разноречивость в оценке одних и тех же событий, ориентация на ситуацию, повышенный интерес к истории. Это обстоятельство определяет возможности использования про-

⁸² Подробнее см. И с а е в а, Проблема *πάτριος πολιτεία* у Исократа, стр. 46 сл.

⁸³ См. B r i n g m a n n, ук. соч., стр. 20 сл.; G. D o b e s c h, Der Panhellenische Gedanke im 4. Jh. v. Chr. und der «Philippos» des Isokrates, Wien, 1968; M o s s è, ук. соч., стр. 442; P e r l m e n, Isocrates Philippus...; он же, Panhellenism, the Polis and Imperialism, Historia, XXV, 1976; S i n c l a i r, ук. соч., стр. 135.

⁸⁴ В. Г. Б о р у х о в и ч, Значение терминов «гомонайя» и «евнойя» в публицистике и литературе Афин II половины IV в. до н. э., «Уч. зап. Горьковского пед. ин-та иностр. яз.», вып. V, 1967, стр. 118.

изведений оратора в исторических исследованиях, способствуя увеличению их ценности как источника в сфере идеологии, особенно в политике, ораторском искусстве, социальной психологии, но создает очень серьезные затруднения при попытке привлечь те же свидетельства как показатель масштабности и величины социально-экономических процессов.

Влияние риторики не только на форму, но и на содержание суждений приводит к образованию новых критериев при теоретизации конкретных исторических фактов, особенно в оценке внешней политики полисов и позиции греческих государств по отношению к Персии и Македонии. Соединение постулатов ораторского искусства с системой понятий, выработанных предшественниками Исократом, и насущными нуждами греческого общества способствовало становлению понятийного аппарата теории межполисных отношений, дальнейшей разработке и окончательному завершению идеи панэллинизма в IV в.

Взаимодействие разнородных элементов обогатило политическую речь оратора и расширило ее функции, позволило использовать при аргументации и решении проблем разные степени обобщенности, а также создать два уровня в постановке и решении проблем — теоретический и практический. Эти уровни определяют специфику и своеобразие жанра политической публицистики Исократом, они различаются типами связи между теорией и практикой. В первом варианте доминирует теория, обобщения служат логическим развитием традиционной полисной концепции, они соотносятся с практикой не прямо, а косвенно, опосредованно. Характерным примером здесь может служить решение проблемы внутренней организации государства в «Ареопагитике». Во втором варианте главенствующее положение занимает практика, которая по-разному взаимодействует с теорией. В одном случае она способствует ее дальнейшему развитию и окончательному определению, как это произошло с интерпретацией идеи панэллинизма. В другом новые факторы, обозначившиеся в жизни Эллады IV в. до н. э., приводят к становлению оценок, включающих как теоретические, так и практические компоненты, при помощи которых начинает развиваться новый аспект теории. Так подходит Исократ к принципам межполисных отношений. В третьем случае практика выдвигает задачи, способствующие постановке и теоретизации новых вопросов, не имевших аналогий в предшествующем развитии: основ сотрудничества двух разных типов государственных организаций — греческого полиса и македонского царства.

Применительно к особенностям восприятия оратором действительности, теоретический уровень его концепции создается ярко выраженной склонностью к переводу конкретных примеров в абстракцию, стремлением осмыслить новые веяния в экономической, политической и социальной жизни в рамках политической теории, постоянным интересом к наиболее важным из проблем, стоявших перед греческими полисами. На формирование практического уровня влияет чуткая реакция на происходящие события, подчинение постановки и решения любого рассматриваемого автором вопроса политическому моменту, гибкая и универсальная система доказательств, всегда адекватная сложившейся ситуации.

Совмещение двух уровней позволяет не только лучше понять и объяснить мировоззрение оратора, но и проследить взаимодействие теории и практики. Расхождение в интерпретации одной и той же темы на разных уровнях демонстрирует механизмы действия политической пропаганды. Это расхождение свидетельствует также об определенном несоответствии между классическими полисными нормами и мировоззрением общества IV в. до н. э., о кризисных явлениях в полисной идеологии, об изменении соотношений между личностью и государством. Подход автора к пробле-

мам его времени показывает, что социальные, политические и экономические нужды полисов диктовали пути выхода из создавшегося положения, которые противоречили устоявшимся представлениям. Исократ на практическом уровне решает проблемы в духе эпохи, используя для обоснования решений представления, способ аргументации, фразеологию полисных норм, применяя для разрушения теории ее собственные принципы и дефиниции.

У оратора это объясняется необходимостью апелляции к уже сложившейся системе ценностей аудитории, которая могла воспринимать новые идеи только в форме привычных стереотипов. Но у такого подхода есть и более глубокие причины — он сам не мог преодолеть полисной концепции, его программа, зачастую содержащая предложения, по существу выходящие за рамки полисного режима, была направлена на укрепление и стабилизацию полиса.

THE INFLUENCE OF RHETORIC ON THE PUBLICISTICS OF ISOCRATES

V. I. Isayeva

The author discusses the political speeches of Isocrates as a genre combining rhetoric with political, economic and moral categories. She underscores the heightened importance of moral arguments in Isocrates as compared with other orators. The synthesis of moral and political postulates is particularly striking in his views on the structure of the polis and on the fundamentals of interpolis relations. Attention is called to the influence of the rhetorical elements *καιρός*, *τά δόγματα τῶν πολλῶν* and *τὸ δέον* on the formulation of his political judgments, in particular to the role played by *τὸ δέον* in his interpretation of historical events. His rhetorical treatment of economic questions makes it difficult to use his testimony in estimating the relative importance of socio-economic processes. The influence of rhetoric not only on the form, but also on the content of his judgments led him to set up new criteria for generalising from concrete historical facts, especially in evaluating the foreign relations of the Greek cities and their attitude towards Persia and Macedon. The interaction of non-homogeneous elements enriched the speeches of Isocrates, enabling him to treat theoretical and practical problems on two levels. The difference in his interpretations of one and the same subject on two distinct levels reveals the mechanism of his political propaganda and also the lack of correspondence between classical polis norms and the world outlook of polis society in the 4th century B. C., the serious contradictions besetting polis ideology, the altered relationship between individual and state. The political speeches of Isocrates show that the social, economic and political needs of the cities dictated ways of solving their problems which conflicted with their own established notions.